

Грамматические особенности и проблема происхождения личных показателей в даргинском языке¹

В отличие от большинства нахско-дагестанских языков, лакский и даргинский языки обладают богатыми системами личного согласования, в которых представлено несколько неоднородных инвентарей личных показателей. Часть этих показателей восходит к наиболее типичному источнику показателей личного согласования - личным местоимениям (Troubetzkoy 1929; Nikolayev and Starostin 1994). В то же время происхождение большинства личных показателей остается неизвестным.

В данной работе рассматриваются грамматические свойства личного согласования в различных диалектах даргинского языка, в том числе морфологические свойства категории глагольного лица, представленные в даргинских диалектах типы лично-числовых оппозиций, правила контроля личного согласования и разновидности личной иерархии, характерные для того или иного диалекта. Отмечается, что в даргинском языке наблюдается две тенденции в ранжировании именных групп: в части диалектов (в особенности в диалектах, расположенных на севере даргиноязычного ареала) первое и второе лица занимают в личной иерархии равное положение; другие диалекты (в особенности расположенные на юге и юго-западе ареала) помещают в привилегированную позицию второе лицо.

Анализ грамматических свойств личного согласования в даргинском на синхронном уровне позволяет выдвинуть предположение о происхождении нетипичной личной оппозиции, наблюдаемой в большинстве даргинских видо-временных парадигм, где формы второго лица единственного числа противопоставлены формам, употребляющимся в обоих числах первого лица и во множественном числе второго лица (2SG vs. 1SG & 1PL & 2PL). Эта гипотеза объясняет структуру современных личных парадигм как результат грамматикализации аллокутивной клитики, маркирующей множественность адресата.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, даргинский язык, личное согласование, контроль личного согласования, личные иерархии, аллокутивный показатель.

1. Предварительные замечания

Категория глагольного лица (личного согласования) в нахско-дагестанских языках является не особенно распространенной и считается сравнительно молодой². В той или иной

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-04-00228а. Приношу свою искреннюю благодарность М. А. Даниэлю, высказавшему ценные замечания к первой версии этой работы, а также трем анонимным рецензентам, подсказавшим несколько важных идей и полезных ссылок. Я особенно благодарна одному, самому строгому оппоненту, чьи критические замечания помогли мне проверить на прочность и уточнить собственную точку зрения на некоторые проблемы, затронутые в этой и нескольких смежных работах.

² Несмотря на новизну и слабое развитие категории личного согласования в данной группе — или именно благодаря этому — личному согласованию в нахско-дагестанской семье посвящено немало работ, большая часть которых, конечно, описывает материал одного языка, однако есть и работы более общего характера, прежде всего статья Helmbrecht 1996 (см. тж Schulze 2004; Schulze 1998 (2007); Sumbatova in print).

степени личное согласование представлено всего в восьми языках, а именно: в бацбийском (Holisky 1987; Holisky, Gagua 1994; Kojima 2008), в кистинском диалекте чеченского (Арсаханов 1969)³; некоторых диалектах аварского (Махмудов 1940; Саидова 1980, 2007; Helmbrecht 1996; Исаков 1980), ахвахском (Магомедбекова 1967; Кибрик 2003 (1980); Creisels 2008b), лакском (Жирков 1955; Муркелинский 1971; Кибрик 2003 (1979); Казенин 1999), даргинском (см. раздел 2), табасаранском (Кибрик, Селезнев 1982), удинском (Harris 2002; Schulze 2001; Schulze 2004). Некоторые из этих языков демонстрируют существенное диалектное варьирование, в том числе в области личного согласования (прежде всего это относится к даргинскому и табасаранскому).

В то же время личное согласование в нахско-дагестанских языках на удивление разнообразно: сильно различаются как количество граммем категории лица и типы личностных оппозиций, так и правила контроля личного согласования. Пожалуй, единственная черта, которая является общей почти для всех перечисленных языков (исключением является удинский), — то, что в большинстве случаев ненулевые грамматические показатели имеют только формы первого и/или второго лица. Впрочем, с типологической точки зрения это свойство категории лица вполне обычно.

В теории грамматикализации принято считать стандартным возникновение показателей личного согласования из личных местоимений (в третьем лице также из указательных), см., например, Givón 1976: 180; Lehmann 1988; 1995: 39—42; Siewierska 2004⁴; Бабаев 2008. Однако в нахско-дагестанских языках личные показатели имеют по меньшей мере три источника, один из которых известен достоверно (и соответствует типологическим ожиданиям), другой может быть назван предположительно, а третий остается загадкой. Кроме того, существуют достаточно заметные корреляции между синхронными грамматическими особенностями категории лица и гипотетическими источниками его возникновения, хотя в этом вопросе еще много неясного (подробнее см. Сумбатова 2010). С этой точки зрения перечисленные языки можно разделить на три группы.

К первой группе отнесем языки, в которых к личным местоимениям восходят все согласовательные маркеры. Это табасаранский, бацбийский и удинский языки (в табасаранском и бацбийском сходство между личными местоимениями и согласовательными морфемами сохраняется на синхронном уровне; для удинского существует подробное исследование Harris 2002). Категория глагольного лица в этих языках имеет ряд общих свойств. В частности, все три языка имеют развитую личную парадигму. В удинском противопоставляются три лица и два числа; в бацбийском и табасаранском парадигма семичленная: имеются формы инклюзива и эксклюзива. Все эти языки имеют подлежащий контроль согласования (контролер — A/S-аргумент⁵). Если посмотреть на таба-

³ На наличие элементов личного согласования в кистинском диалекте нам указал один из анонимных рецензентов работы.

⁴ В обобщающей книге (Siewierska 2004: 246—281) приводится несколько альтернативных источников показателей лица (показатель перфектива, показатель комплетива, предлог, показатель числа, неопределенное местоимение), однако все эти источники предлагаются только для одного языка каждый, и все они развиваются исключительно в показатели третьего лица. К нахско-дагестанским языкам эти сведения не особенно применимы, поскольку для единственного языка, последовательно маркирующего третье лицо, — удинского — достаточно надежно доказано происхождение показателей лица из местоимений (Harris 2002). Еще один источник, упоминаемый у А. Северской, — так называемые эгофорические эвиденциальные формы, которые, очевидно, приводят к появлению оппозиций вида '1 лицо декларатива + 2 лицо вопроса' vs прочие комбинации (так называемые conjunct/disjunct-формы), см. также сноску 7.

⁵ Поскольку все рассматриваемые в данной работе языки являются в основном эргативными, использование наименований синтаксических позиций (подлежащее, прямое дополнение и т. д.) для этих языков

саранский, бацбийский и удинский языки с точки зрения иерархии лиц (Silverstein 1976 и др.), то легко заметить, что в них действует иерархия 1, 2 > 3: ни один из этих языков не демонстрирует преимущества первого лица над вторым или наоборот⁶.

Вторая группа включает языки, в которых маркирована только форма первого лица (без различия чисел): это закатальский и кусурский диалекты аварского (Махмудов 1940; Саидова 1980; Исаков 1980; Helmbrecht 1996); ахвахский язык⁷; в какой-то степени к этой группе примыкает и лакский язык, точнее — часть его видо-временных форм⁸. Источником личного показателя в этих языках скорее всего является показатель причастия. Это до сих пор очевидно в аварских диалектах, сравнительно легко прослеживается в ахвахском (Creissels 2008b). Аналогичное предположение Г. Т. Бурчуладзе (1979) высказывал для показателя *-w* в лакском (см. ниже). Контролером личного согласования в языках этой группы является либо подлежащее (S/A-аргумент), либо агенс (A/S_A).

Последнюю, третью, группу составляют лакский и даргинский языки. В этих языках (генетически более близких друг к другу, чем к другим языкам нахско-дагестанской группы; см., например, Коряков 2006: 26) происхождение самых распространенных показателей лица до сих пор остается загадкой, найти решение которой нам пока не удалось. Мы попытаемся, однако, высказать несколько вспомогательных предположений, в основном касающихся даргинского языка. Возможно, эти предположения помогут облегчить разгадку в дальнейшем⁹.

требовало бы синтаксического обоснования. Такое обоснование не входит в наши задачи, поэтому мы будем пользоваться принятыми, в частности, в работах А. Е. Кибрика «квазисинтаксическими» (ролевыми) обозначениями: А-аргумент — агенс переходного глагола (и прочие именные группы, занимающие ту же синтаксическую позицию, даже если их семантическая роль отличается от роли собственно агенса); как правило, оформляется эргативным падежом; Р-аргумент — пациент переходного глагола (с той же оговоркой) в абсолютном падеже; S-аргумент — центральный аргумент непереходного глагола (также в абсолютиве). Если символ S имеет нижний индекс А (S_A), то имеется в виду S-аргумент, обладающий агентивными свойствами.

⁶ Для табасаранского это утверждение верно лишь по отношению к синтаксическому, обязательному спряжению (в терминах А. Е. Кибрика, см. Кибрик, Селезнев 1982); для так называемого коммуникативного спряжения можно постулировать иерархию с преимуществом второго лица (подробнее см. Сумбатова 2008; Сумбатова 2010; используются данные из работы Кибрик, Селезнев 1982).

⁷ В том варианте ахвахского, который зафиксирован Д. Кресселем в с. Ахвах-дере на севере Азербайджана (Creissels 2008b), оппозиция устроена несколько сложнее: форма, характерная для первого лица декларативных предложений и второго лица вопросительных предложений, противопоставляется всем прочим (эта специальная форма является маркированной). В ряде работ (Hale 1980; см. также Creissels 2008a) такие системы описываются при помощи пары терминов *conjunct ~ disjunct* (*conjoint ~ disjoint*) — «соединенный, сгруппированный ~ разъединенный» (к сожалению, нам не удалось найти удачного русского перевода). Оппозиции такого типа, строго говоря, не являются личными: исследователи скорее склонны связывать их с выражением категории эвиденциальности/адмиративности (Creissels 2008b; Siewierska 2004: 260—261). Мы, однако, позволили себе рассмотреть оппозицию такого типа в ряду личных, так как во многих отношениях она демонстрирует заметное сходство с категорией лица в тех языках, где маркированным является только первое лицо. Помимо ахвахского с. Ахвах-дере, оппозиция типа *conjunct/disjunct* представлена в мегебском диалекте даргинского языка, однако в нем она, на наш взгляд, является вторичной, то есть возникает в результате разрушения категории лица другого типа, характерной для прочих даргинских диалектов (см. разделы 2 и 4).

⁸ Имеются в виду видо-временные формы, которые по классификации А. Е. Кибрика попали во вторую и третью группу времен. В этих временах особым образом выделяется первое лицо агенса, которому в глаголе соответствует личный показатель *-w* (см. раздел 3 ниже).

⁹ Мы не отнесли ни к одной из групп кистинский диалект чеченского языка (Арсаханов 1969: 163—165). В этом диалекте глагольные формы первого—второго лица противопоставлены формам третьего лица в настоящем времени; оппозиция выражается чередованием корневой гласной, например: *лаца* ‘держать’ — 1/2 лицо *лац*, 3 лицо *лоц*, *хатта* ‘спросить’ — 1/2 лицо *хет*, 3 лицо *хатт*; *мала* ‘пить’ — 1/2 лицо *мел*, 3 лицо *мол*; *датта* ‘жарить’ — 1/2 лицо *дет*, 3 лицо *дотт*. По типу личной оппозиции (1/2 лицо vs. 3 лицо) кистин-

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 дается краткое описание категории личного согласования в даргинском языке. Приводятся сведения о способах маркирования категории лица, о правилах контроля личного согласования и об устройстве личной иерархии в даргинских диалектах (в том числе — в отдельном подразделе — в мегебском). В разделе 3 дается минимальная информация об устройстве категории лица в наиболее генетически близком даргинскому языку — лакском. В разделе 4 приводятся сведения о происхождении части даргинских личных показателей и высказывается ряд соображений о возможном источнике типологически нестандартных личных оппозиций, представленных в большинстве видов-временных парадигм даргинского языка.

2. Личное согласование в даргинском языке

Даргинский — скорее не один язык, а конгломерат многочисленных диалектов или даже языков (числом не менее 15—20), весьма сильно отличающихся друг от друга¹⁰. Существует традиция (Быховская 1940; Абдуллаев 1954; Хайдаков 1985 и др.) подразделять даргинские диалекты на две ветви — северную и южную (или, иначе, диалекты акушинского типа и диалекты цудахарского типа). В основе такого подразделения лежат фонетические отличия — в южных диалектах имеются геминированные согласные, в северных диалектах их нет. Кроме того, часто отмечается, что в двух ветвях расходятся местоимение первого лица единственного числа и личные показатели: в северных диалектах 'я' *ни*, клитический показатель первого лица и второго множественного *-ra*, второго единственного *-ri*; в южных диалектах соответственно *du*; *-da*; *-di*¹¹.

Сравнительно полные данные о личном спряжении имеются лишь для меньшей части даргинских диалектов; однако этих данных достаточно, чтобы понять, что диалекты очень сильно отличаются друг от друга как по используемому варианту личной иерархии, так и по типу контроля. Особняком стоит мегебский диалект, который не менее восьмисот лет развивается под воздействием аварского и лакского языков, вследствие чего его свойства выходят далеко даже за весьма широкие пределы варьирования лингвистических параметров, задаваемые прочими диалектами. Обобщения, которые даются в разделах 2.1—2.4, не охватывают мегебский язык/диалект; некоторые сведения об оппозициях личного типа в мегебском диалекте даются в разделе 2.5.

2.1. Морфология

В большинстве даргинских диалектов используется по крайней мере три набора показателей личного согласования: один из них состоит из клитик, два — из суффиксов.

ский диалект близок лакскому, однако имеющихся у нас сведений о нем явно недостаточно, чтобы отнести его к какой-либо группе (или отвести для него отдельную группу) и делать предположения о происхождении представленной в нем личной оппозиции.

¹⁰ Поскольку обсуждение проблемы язык *vs.* диалект не входит в задачи данной работы, мы будем использовать термин «диалект» по отношению ко всем рассматриваемым даргинским идиомам.

¹¹ По поводу справедливости бинарного членения даргинских диалектов высказываются определенные сомнения. В частности, в атласе (Коряков 2006) предлагается другая, более дробная классификация, в которой даргинские диалекты/языки делятся на шесть подгрупп: северная подгруппа (акушинский, урахинский, мугинский, цудахарский, гапшиминско-бутринский, мюрего-губденский, кадарский, муиринский); мегебский язык; юго-западная подгруппа (сирхинский, амухский, кункинский, санжи-ицаринский); чирагский язык; кайтагская подгруппа; кубачи-аштинская подгруппа.

Наборы личных окончаний распределены по видо-временным парадигмам, причем в абсолютном большинстве случаев в каждой парадигме используются показатели ровно одного набора. Некоторые сравнительно редкие случаи контаминации двух наборов рассматриваются в разделе 2.3.

В двух из трех наборов личных показателей маркированная форма второго лица единственного числа противопоставляется другой маркированной форме, употребляемой для обоих чисел первого лица и множественного числа второго лица. Третье лицо, как правило, остается немаркированным¹².

Набор, включающий клитики (в дальнейшем мы называем его *клитическим*), как правило, используется в большинстве самых употребительных финитных форм (презенс, претерит, перфект, будущее и т.д.). Практически во всех диалектах он имеет следующий вид (показатели с согласной *r* характерны для северных диалектов, с согласной *d* — для южных; *-di/-de*, *-ri/-re* — также диалектные варианты):

Таблица 1.

Личные клитики в даргинском языке

	SG	PL
1		<i>-da, -ra</i>
2	<i>-di (-de), -ri (-re)</i>	
3	(ноль/связка)	

Показатели, представленные в таблице 1, в большинстве случаев сохраняют свойства клитик: в частности, они употребляются без глагола в именных предложениях, где могут модифицировать группы с разными типами вершин — существительными в почти любом падеже (кроме, видимо, эргатива), прилагательными, числительными, послелогоми (примеры 2 и 4); кроме того, личные клитики отделяются от глагола в конструкциях с аргументным фокусом и перемещаются на правую периферию фокусируемой группы (примеры 1b, 3, 5).

АКУШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (примеры из работы Хайдаков 1985: 195—196)

(1a) *ni w-ak'-i-ra quli*
я(ABS) М-приходить:PF-AOR-1 домой
'Я пришел домой'.

(1b) *ni-ra w-ak'-ib-si quli*
я(ABS)-1 М-приходить:PF-AOR-ATR домой
'Именно я пришел домой'.

КУНКИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (полевые данные)

(2) *ča u-di ? — pat'imat(-da)*
кто(ABS) ты(ABS)-2 Патимат(-1)
'Кто ты? — Я Патимат'.

¹²В парадигмах, использующих клитический набор, в третьем лице может использоваться связка *sa=b* (*ca=b=i*) или *sa=b* (*sa=b=i*), которая совпадает с возвратным местоимением *и*, очевидно, имеет общее с ним происхождение.

- (3) *du-de lal-ti et:ij peškeš-d-arq'-ib-il /*
 я(ERG)¹³ -2 этот-PL(ABS) ты:DAT подарок-NPL-делать:PF-PRET-CONV
peškeš-d-arq'-ib-ce
 подарок-NPL-делать:PF-PRET-ATR
 'Это я тебе их подарил'.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (Sumbatova & Mutalov 2003: 153; 141)

- (4) *nuš:a urk'-bi ač χalq:-da*
 мы(ABS) сердце-PL(ABS) открытый народ(ABS) -1
 'Мы люди с открытыми сердцами'.
- (5) *ih ribij c'il-di-q'al w-a'r-un-ci u*
 тот Гиби потом-2-же(PTC) М-идти.PF-PRET-ATR ты(ABS)
 'Но ты же в это Гиби ПОЗЖЕ пошел'.

В ряде диалектов в части видо-временных парадигм показатели клитического набора, по-видимому, в результате дальнейшей грамматикализации превратились в суффиксы: например, в урахинском диалекте (Услар 1892) мы можем видеть их в составе форм настоящего-будущего времени условного наклонения в неконечной позиции словоформы, ср. приведенные П. К. Усларом формы глагола 'делать' (совершенный вид): *waq'a-ra-li* (1 лицо субъекта); *waq'a-ri-li* (2 лицо).

Второй набор личных показателей содержит суффиксы, которые используются в формах оптатива и некоторых других, сходных по значению (в дальнейшем этот набор называется *оптативным*). Как видно из Таблицы 2, оппозиции личных форм в этом случае устроены так же, как в предыдущем:

Таблица 2.

Личные суффиксы в даргинском языке: «оптативный набор»

	SG	PL
1		-a
2	-i	-a (-a-ja)
3	(ноль)	

Другой тип оппозиций выступает в наборе личных суффиксов, который используется в формах «настоящего общего» времени, в условном наклонении, иногда также в хабитуалисе и конъюнктиве (в дальнейшем этот набор называется *ирреальным*).

Таблица 3.

Личные суффиксы — «ирреальный набор» (настоящее общее, условное наклонение, конъюнктив и др.)

	Южные диалекты		Северные диалекты	
	SG	PL	SG	PL
1		-d	-s	-he
2	-t:	-t:(-a), -t:(-a-ja)	-d	-d(-a), -d(-a-ja)
3	(ноль)		(ноль)	

¹³ В кункинском диалекте личные местоимения не различают формы эргатива и абсолютива.

В этой парадигме, как видно из таблицы 3, в южных диалектах первое лицо (показатель *-d*) противопоставляется второму (*-t*), причем во втором лице может использоваться специальный маркер множественного числа (*-a*, *-a-ja*). В северных диалектах наблюдается более привычная нам оппозиция с числовым противопоставлением и в первом, и во втором лице.

2.2. Правила контроля и ранжирование лиц

Правила контроля личного согласования сильно расходятся по даргинским диалектам, но внутри каждого диалекта (по крайней мере в тех диалектах, для которых эта проблема исследовалась) используется только одно правило, которое не зависит ни от видо-временного значения глагола, ни от используемого набора личных окончаний, ни от коммуникативной структуры предложения, возглавляемого данной формой.

- **«Подлежащий» контроль с возможностью передачи контроля абсолютиву.**

В кубачинском диалекте (Магомедов 1976; Магомедов 1963: 274–275) в большинстве случаев контролером личного согласования является S/A аргумент — подлежащее (примеры ба-н из Магомедов 1976):

КУБАЧИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (6) a. *dudil u gap w=i:q'ul-da*
я:ERG ты:ABS похвала М-делать:IPF-PRES-1
'Я хвалю тебя' (глагол в форме 1 лица).
- b. *udil id gap wi:q'ul-de* 'Ты хвалишь его' (глагол в форме 2 лица).
- c. *udil du gap wi:q'ul-de* 'Ты хвалишь меня' (глагол в форме 2 лица).
- d. *iddil du gap wi:q'ul-saw* 'Он хвалит меня' (глагол в форме 3 лица).
- e. *iddil u gap wi:q'ul-saw* 'Он хвалит тебя' (глагол в форме 3 лица).
- f. *iddil id witul-saw* 'Он хвалит его' (глагол в форме 3 лица).

Однако если эргативная ИГ при переходном глаголе — третьего лица, абсолютивная ИГ может перехватить контроль личного согласования:

- g. *iddil du gap wi:q'ul-da* 'Он хвалит меня' (глагол в форме 1 лица).
- h. *iddil u gap wi:q'ul-de* 'Он хвалит тебя' (глагол в форме 2 лица).

Иначе говоря, в кубачинском диалекте правило контроля лица в некоторой степени опирается на личную иерархию $1, 2 > 3$: если при переходном глаголе А-аргумент выше Р-аргумента в личной иерархии или равен ему, то контролером является А-аргумент. Если же А-аргумент ниже Р-аргумента, то контролером согласования может быть любой из ядерных аргументов.

В мегебском языке личное согласование контролируется подлежащим (S/A аргументом) всегда (насколько это известно), однако, как уже было отмечено выше, мегебский язык не рассматривается в этом разделе.

- **Контроль с преимуществом локуторов и агенса: $1, 2 > 3, A > P$.**

В чирагском диалекте действует такое же правило контроля, как в первой группе времен лакского языка (см. раздел 2): преимущество имеют группы первого и второго

лица (то есть действует иерархия $1, 2 > 3$), а в случае равенства обоих потенциальных контролеров (один аргумент первого лица, другой — второго) контролером становится эргатив (агенс).

ЧИРАГСКИЙ ДИАЛЕКТ (Кибрик 2003 (1979): 483—485)

- (7) a. *dicce* ζ *u* *r-iqqan-da*
я.ERG ты.ABS F-вести-1
'Я тебя (жен.) веду'.
b. *dicce du r-iqqan-de* 'Ты меня ведешь' (глагол в форме 2 лица).
c. *dice it r-iqqan-da* 'Я ее веду' (глагол в форме 1 лица).
d. *ite du r-iqqan-da* 'Он меня ведет' (глагол в форме 1 лица).
e. *ite russe r-iqqle* 'Он девочку ведет' (глагол в форме 3 лица).

• **Контроль с преимуществом локуторов и пациенса: $1, 2 > 3$ и $P > A$.**

Сходное правило действует в нескольких даргинских диалектах: отличие от предыдущего случая в том, что в случае равенства двух ядерных аргументов контролером согласования становится пациенс. Личная иерархия, действующая здесь, такая же, как в предыдущем случае: $1, 2 > 3$. Такое правило контроля зафиксировано в акушинском диалекте и основанном на нем литературном языке (Абдуллаев 1954; van den Berg 1999; 2001); в урахинском диалекте (Услар 1892); тантынском (диалект, близкий цудахарскому; с. Танты; полевые данные); аштынском (с. Ашты, полевые данные).

ТАНТЫНСКИЙ ДИАЛЕКТ (полевые данные)

- (8) a. ζ *u dali uc-ib-de*
ты я:ERG ловить:PF-PRET-2SG
'Я поймал тебя'.
b. ζ *ali du uc-ib-da*
ты:ERG я ловить:PF-PRET-1
'Ты поймал меня'.
c. *dali hit uc-ib-da* 'Я поймал его' (глагол в форме первого лица).
d. ζ *ali hit uc-ib-de* 'Ты поймал его' (глагол в форме второго лица).
e. *rasulli* ζ *u uc-ib-de* 'Расул поймал тебя' (глагол в форме второго лица).

• **Контроль по иерархии $2 > 1 > 3$.**

Еще одна группа даргинских диалектов — кайтагский (Магомедов 1976), ицаринский (Sumbatova and Mutalov 2003); кункинский и амухский (с. Кунки и Худуц, полевые данные) — имеет правило согласования, основанное исключительно на личной иерархии, и это иерархия с преимуществом второго лица: $2 > 1 > 3$.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (9) a. *du-l u uc-ib-di*
я-ERG ты (М)ловить:PF-PRET-2
'Я поймал тебя'.

b. *u-l du uc-ib-di*

ты-ERG я (М)ловить:PF-PRET-2

‘Ты поймал меня’.

c. *du-l ku'r b=uc-ib-da*

я-ERG заяц N-ловить:PF-PRET-1

‘Я поймал зайца’.

d. *murad-il ku'r b=uc-ib-ca=b*

Мурад-ERG заяц N-ловить:PF-PRET-COP-N

‘Мурад поймал зайца’.

Если исключить мегебский, то можно констатировать, что во всех даргинских диалектах правило контроля опирается на личную иерархию, причем это либо иерархия 1, 2 > 3, либо 2 > 1 > 3.

2.3. Нестандартные личные парадигмы

В некоторых диалектах встречаются парадигмы, использующие разные показатели для эргативного и абсолютного контролеров. Такие смешанные системы зафиксированы в даргинском литературном языке (Van den Berg 2001 и др.) и урахинском диалекте (Услар 1892). В обоих случаях в одной видо-временной парадигме используются показатели клитического и ирреального набора, причем суффиксы ирреального набора используются для согласования с центральным аргументом непереходного глагола (S-аргументом) и абсолютивом переходного глагола (P-аргументом), а показатели клитического набора — только при переходных глаголах для согласования с А-аргументом.

В даргинском литературном языке субъектные и объектные окончания противопоставляются в будущем времени (соответствующем настоящему общему других диалектов):

Таблица 4.

Личные окончания будущего времени: литературный даргинский язык (Van den Berg 2001)

	1ABS	2ABS	3ABS
1ERG			-s
2ERG	-ra	-ri	-d
3ERG			(ноль)

Видно, что в этой парадигме первое и второе лица не ранжированы между собой.

Довольно много парадигм «смешанного», типа, в урахинском диалекте (Услар 1892). В настоящем/будущем времени условного наклонения распределение окончаний «клитического» и «ирреального» набора такое же, как в таблице 4 для акушинского диалекта. Однако, например, в форме прошедшего совершенного преимущество имеет второе лицо: во втором лице субъектные и объектные окончания различаются, а в первом нет.

Таблица 5.

Личные окончания прошедшего совершенного: урахинский диалект (Услар 1892)

	1ABS	2ABS	3ABS
1ERG			-ra
2ERG	-ra	-ri	-d
3ERG			(ноль)

2.4. Предварительные обобщения

Легко видеть, что в даргинском языке совмещаются две тенденции в ранжировании лиц: либо первое и второе лица не имеют преимуществ друг перед другом в личной иерархии ($1 = 2$), либо преимущество имеет второе лицо ($2 > 1$).

В частности, мы обратили внимание на следующие явления:

1. Устройство клитической и оптативной личной парадигмы во всех диалектах указывает на преимущество второго лица, так как только во втором лице наблюдается противопоставление по числу ($2 > 1$).
2. Система личных и числовых показателей, используемых, в частности, в хабитуальных и условных парадигмах (ирреальный набор личных показателей), указывает на преимущество второго лица в южных диалектах ($2 > 1$) и на равенство лиц в северных ($1 = 2$).
3. В некоторых диалектах имеются нестандартные личные парадигмы, совмещающие показатели из разных основных наборов (раздел 2.3). Во всех известных случаях здесь также наблюдается либо равенство лиц (акушинский), либо преимущество второго лица (урахинский).
4. В даргинских языках/диалектах зафиксировано по крайней мере пять разных правил контроля. Одно из правил (контроль по иерархии $2 > 1 > 3$), распространенное на юго-западе даргинского ареала, помещает второе лицо выше первого ($2 > 1$); в остальных случаях ранжирования лиц не происходит ($1 = 2$).

Таким образом, тенденция $2 > 1$ гораздо сильнее проявляется в южных диалектах, прежде всего кайтагском, а также в малочисленных диалектах долины реки Уллучай (селения Ицари, Кунки, Худуц). На севере даргинского ареала первое и второе лицо занимают в личной иерархии одну и ту же позицию. Как будет отмечено ниже, такая же ситуация характерна для части видо-временных форм лакского языка.

2.5. «Личное» спряжение в мегебском диалекте

Селение Мегеб расположено в Гунибском районе Дагестана, вне зоны распространения даргинских диалектов. В течение нескольких столетий мегебский развивается под влиянием аварского и лакского языков (по мнению С. М. Хайдакова (1985), предки нынешних мегебцев переселились сюда из аула Муги в VIII—IX вв. н.э.). По своим фонетическим характеристикам мегебский относится к северным диалектам, однако грамматически — в частности, в том, что касается личного согласования — он настолько отличается от всех прочих диалектов, что мы исключили его из рассмотрения в разделах 2.1—2.4.

Мегебский — единственный даргинский диалект, в котором категория личного согласования имеет всего две граммы. Специально выделяются формы первого лица декларативных и второго лица вопросительных предложений. Эти формы (мы глоссируем их как 1D/2Q), маркированы специальным показателем и противопоставлены немаркированным формам, которые выступают во всех прочих лицах/числах, см. пример (Магомедов 1982: 144):

МЕГЕБСКИЙ ДИАЛЕКТ (Магомедов 1982: 144)

- (10) — *sija*   *b-iq'-uwe*   *le-w-ra*   *ħu ?*
 что(ABS) N-делать:IPF-PRS.CONV COP-M-1D/2Q ты(ABS)

— *bazal-li-če*   *ar-q^ʃ-iil*   *χalqʹ*   *ħark^w-i-če-di*
 базар-OBL-SUPER EL-идти.IPF-PRS.ATR народ(ABS) река-OBL-SUPER-PROL
χ:^was:ar   *b-iqʹ-uwē*   *le-w-ra.*
 спасение N-делат:IPF-PRS.CONV COP-M-1D/2Q
 ‘Что ты делаешь? — Идущих на базар людей через реку перевозжу’.

Иначе говоря, в мегебском представлена оппозиция типа *conjunct/disjunct* (см. сноску 7). Показатели формы первого лица декларатива/второго лица интеррогатива: *-ra* в претерите и аналитических формах со связкой, *-s* в форме настоящего общего, *-ša* в будущем времени. Легко видеть, что первые два маркера совпадают с маркерами лица, характерными для северных диалектов: *-ra* — показатель клитического набора, *-s* — ирреального. Что касается показателя *-ša*, то он, очевидно, соответствует двум морфемам прочих диалектов: суффикс с модальным значением, который в различных диалектах выглядит чаще всего как *-(i)š* или *-(i)ž* (в ицаринском этот суффикс образует формы гипотетического наклонения), и личный суффикс оптативного набора *-a*.

Личные маркеры в мегебском, по-видимому, имеют то же происхождение, что и в других вариантах даргинского. Некоторые авторы (Магомедов 1962; Хайдаков 1985 и др.) считают, что именно мегебский представляет наиболее архаичное состояние даргинского личного согласования. Однако по целому ряду причин (обсуждение которых см. в Sumbatova in print) мы склонны считать, что оппозиция типа *conjunct/disjunct* в мегебском возникла в результате разрушения категории лица другого типа, характерной для прочих даргинских диалектов.

3. Некоторые сведения о личном согласовании в лакском языке

Лакскому языку посвящено довольно большое число работ (см., например, Жирков 1955; Муркелинский 1971; Казенин 1999; Schulze 2007), однако похоже, что нет ни одного полного описания личного согласования, по крайней мере для литературного языка, и это при том, что диалектные различия в лакском сравнительно невелики (особенно по сравнению с даргинским). Наиболее ясно картина личного согласования представлена в работе А. Е. Кибрика (2003 (1979)), материалом которой послужил говор с. Хосрех Кулинского района Дагестана¹⁴ (из этой же работы позаимствованы примеры 12–13; в примерах сохранено принадлежащее А. Е. Кибрику морфологическое членение и глоссирование).

В части видо-временных парадигм лакского языка используются только показатели *-ra* для первого и второго лица единственного числа, *-ri* для тех же лиц множественного числа и *∅/-r* для третьего лица в обоих числах. Эти показатели (как и даргинские *-ra*, *-ri*) представляют собой клитики, примыкающие к главному предикату предложения, ср. пример из работы (Казенин 1997):

¹⁴ К системе, описанной у А. Е. Кибрика, довольно близка система, которую можно восстановить на основании работы Л. И. Жиркова (1955) и неопубликованной грамматики В. Шульце (Schulze 2007); обе эти работы базируются на материале литературного языка.

ЛАКСКИЙ¹⁵

- (11) a. *rasul-lu-l na o=w=t-u-ssa-ra*
 Расул-OBL-ERG я ударить=M=PAST-PART-1SG
 ‘Расул меня ударил’.
- b. *rasul-lu-l-la na o=w=t-u-ssa*
 Расул-OBL-ERG-1SG я ударить=M=PAST-PART
 ‘Это Расул меня ударил’ (пример из работы Казенин 1997: 34).

В глагольных формах, имеющих только показатели *-ra*, *-ru*, *-r* (например, в настоящем общем времени), контроль согласования основан на личной иерархии 1, 2 > 3 и следует той же модели, которую мы наблюдали в чирагском диалекте даргинского языка: если один из ядерных аргументов первого или второго лица, а другой третьего, то контролером является локутор. Если ядерные аргументы равны в иерархии (один первого лица, другой второго или оба третьего лица), то контролером становится агенс:

ЛАКСКИЙ (с. Хосрех; Кибрик 2003 (1979))

- (12) a. *na / ina but:a 0-at:a-ra*
 я/ты.ERG отец.I.NOM I-избить.PRES-1/2SG
 ‘Я избиваю/ты избиваешь отца.’
- b. *nit:i-l na / ina 0-at:a-ra*
 мать-ERG я/ты.I.NOM I-избить.PRES-1/2 SG
 ‘Мать избивает меня/тебя.’
- c. *na zu b-at:a-ra*
 я.ERG вы PL-избить-1/2(SG)
 ‘Я избиваю вас.’

Сформулированное выше правило не описывает контроль личного согласования во всех видо-временных формах, который устроен в лакском довольно сложно и, судя по всему, различается в зависимости от диалекта, от видо-временной парадигмы, от коммуникативной структуры предложения и от того, является ли глагольная форма аналитической или синтетической (см. также Казенин 1999).

Для нас существенно, что в части видо-временных парадигм (например, в аористе) присутствует особый показатель для А-аргумента (агенса переходного глагола) первого лица — суффикс *-w* (во множественном числе *-rdu*) — в отличие от личных клитик, неотделимый от глагола. В таких формах А-аргумент первого лица имеет преимущество при контроле согласования: в случае его присутствия именно он является контролером (в отсутствие А-аргумента первого лица преимущество при контроле имеет абсолютив):

¹⁵В диссертации К. И. Казенина (1997), откуда мы взяли пример (11), не указано, к какому варианту лакского языка относятся приводимые данные. Видимо, это лакский литературный язык. Следовательно, пример (11) скорее всего относится не к тому варианту лакского языка, что другие примеры в данном разделе. К сожалению, мы не располагаем, с одной стороны, примерами на фокусное выделение для говора с. Хосрех, с другой стороны — последовательным описанием личного согласования для других разновидностей лакского языка.

- (13) а. *na ina/g^wa 0-at:a-w*
 я.ERG ты/он.I.NOM I-избить.AOR-1
 ‘Я (жен.) тебя/его (муж.) избил’ (контролер — аргумент первого лица).
- б. *ina/g^wana-l but:a 0-awt:un-di*
 ты.ERG/он-ERG отец.I.NOM I- избить.AOR-3
 ‘Ты/он отца избил’ (контролер — Р-аргумент).

Таким образом, в части лакских видо-временных форм особым образом выделяется подлежащее (S/A-аргумент) первого лица. Во-первых, это единственный аргумент, способный контролировать согласование в роли агенса. Во-вторых, в первом лице наблюдается наибольшее число личных показателей, выбираемых в зависимости от роли контролера. В-третьих, для маркирования этого аргумента имеется особый показатель *-w*, не вписывающийся в парадигму личных клитик. Г. Т. Бурчуладзе (1979) выдвинул гипотезу о том, что показатель и первого лица агенса *-w* возник в результате переразложения суффикса причастия с классным показателем на конце. Если эта гипотеза верна, то лакский язык частично попадает в ту группу нахско-дагестанских языков, для которой характерна оппозиция первого vs. непервого лица и происхождение маркера первого лица от показателей причастия (см. раздел 1).

4. Проблема происхождения лакских и даргинских личных показателей

Проблема происхождения даргинских личных показателей, как и лакских, еще далека от решения. В статье Н. С. Трубецкого 1929 года (Troubetzkoу 1929), которая до сих пор остается ценнейшей работой по рассматриваемой проблеме, личные показатели в нахско-дагестанских языках подразделяются на два класса — показатели, восходящие к местоимениям, и показатели неместоименного происхождения, источник которых остается неясным. В число маркеров неместоименного происхождения попадают лакские личные клитики *-ra*, *-ru*, *-r*. Предположение Г. Т. Бурчуладзе (1979) о том, что эти показатели восходят к вспомогательным глаголам, до сих пор остается гипотезой, хотя и вполне правдоподобной.

Что касается даргинских личных показателей, то они распадаются на два класса: часть из них попадает в категорию маркеров местоименного происхождения, а часть — к маркерам неместоименного происхождения.

К числу первых относятся даргинские суффиксы «ирреального» набора, представленные в Таблице 3. Эти показатели обнаруживаются и в словаре С. Л. Николаева и С. А. Старостина (Nikolayev, Starostin 1994), где также возводятся к личным местоимениям. Источник показателя первого лица *-s* (северные диалекты) и показателей второго лица *-d* (северные диалекты) и *-t* (южные диалекты) обнаруживается на протосеверокавказском уровне: это соответственно личное местоимение **zo* ‘я’ и косвенная основа местоимения ‘ты’ **dū*. Более позднее происхождение приписывается показателю первого лица южных диалектов *-d*, который возводится к протодаргинскому местоимению **du* ‘я’, и показателю первого лица множественного числа северных диалектов *-Hā* (< протодарг. **x:a* ‘мы (инкл.)’).

Таким образом, окончания хабитуальных времен, условного наклонения и т.п. возникли, по-видимому, стандартным для показателей лица путем, причем весьма давно: некоторые окончания восходят к местоимениям, этимологизирующимся на протосеверокавказском уровне).

Происхождение личных маркеров оптатива (Таблица 2), насколько нам известно, нигде не обсуждалось. Что касается личных клитик (Таблица 1), то по поводу их происхождения чаще всего высказывается одно предположение, на наш взгляд, маловероятное, а именно: предлагается возводить все личные клитики к местоимению 'я', которое, как и клитики, расходуется по диалектам. Как правило, в тех диалектах, где представлены личные клитики *-ra* и *-ri*, местоимение 'я' выглядит как *ni*, а там, где клитики *-da* и *-di*, 'я' — *du*. Различиями в облике личного местоимения объясняется различие фонетического облика самих клитик. Эту мысль первым, по-видимому, высказал А. А. Магомедов в (Магомедов 1962); хотя впоследствии (1978) он же высказал о происхождении личных клитик другое предположение (см. ниже), более старое его мнение долгое время оставалось весьма влиятельным (см., например, Хайдаков 1985).

К сожалению, эта гипотеза не кажется удовлетворительной ни в каком отношении. С семантической точки зрения странным кажется развитие клитик второго лица из местоимения 'я'. С другой стороны, *n* в местоимении и *r* в клитиках вряд ли могут иметь общий источник (по крайней мере, с точки зрения реконструкции в Nikolayev, Starostin 1994). Наконец, диалектные соответствия *ni* ~ *-ra/-ri* и *du* ~ *-da/-di* не так последовательны, как этого хотелось бы авторам гипотезы (например, в урахинском и губденском диалектах, принадлежащих к северной ветви, есть личные показатели как с согласным *r*, так и с *d*; Магомедов 1962).

Еще одна гипотеза о происхождении личных клитик возводит их к каким-то неизвестным глаголам или связкам. Эта гипотеза, высказанная А. А. Магомедовым в работе (Магомедов 1978), кажется более приемлемой. Аналогичная идея высказывается в работе Helmbrecht 1996 по отношению к лакскому.

В частности, аргументом в пользу «глагольной» гипотезы может быть позиция отрицательных префиксов в кубачинском и аштынском диалектах. В даргинском повсеместно используется отрицательный префикс, который выглядит как *a-*, *ħa-*, *ħe-* или *ʔa-* и занимает позицию перед глагольной основой, например (амухский диалект, с. Худуц): *b=elč'-un* (аорист) 'прочитал', *ħa-b=elč'-un* 'не прочитал', *d=uč'-un* (имперфект) 'читал', *ħa-d=uč'-un* 'не читал' и т.д. Однако в кубачинском и близкородственном ему аштынском диалектах обнаруживаются случаи, когда этот показатель (в данном случае просто *a-*) модифицирует личную клитику:

АШТЫНСКИЙ ГОВОР (полевые данные)

- (14) *j=at-ul-da* / *j=at-ul-a-da*
 F-оставлять:IPF-PRES-1 F-оставлять:IPF-PRES-NEG-1
 'Я ее оставляю.' / 'Я ее не оставляю.'

КУБАЧИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (Магомедов 1963: 224—233)

- (15) а. *u insan a-de*
 ты человек NEG-2
 'Ты не человек.'
 б. *id insan a-sa=w*
 этот человек NEG-COP-M
 'Он не человек.'

Следовательно, можно предположить, что на более ранней стадии развития языка клитики действительно функционировали как самостоятельные словоформы и занимали при этом позицию предиката.

Однако предположение о глагольном происхождении личных клитик, сколь бы разумным оно ни казалось, аргументировано пока очень слабо. Вероятнее всего, это были вспомогательные глаголы или клитики, функционирование которых как-то коррелировало с присутствием локутора в предложении. К сожалению, мы не можем внести ясность в этот вопрос, однако рискнем высказать некоторые дополнительные соображения.

Во-первых, на наш взгляд, можно предположить общий источник для даргинских и лакских личных клитик. Напомним, что лакская клитика первого/второго лица *-ra* совпадает с клитикой северных диалектов даргинского (как раз соседствующих с лакцами), имеющей несколько другое употребление (включая первое лицо множественного числа, но исключая второе лицо единственного числа), а в прочих даргинских диалектах ей соответствует клитика *-da*. Соответствие *d* и *r* с диахронической точки зрения возможно (Nikolayev, Starostin 1994: 44). В реконструкции С. Л. Николаева и С. А. Старостина восстанавливается переход прасеверокавказского **r* в *r* в лакском и в *d* в начале слова и в *r* в прочих позициях в даргинском. Если принять предлагаемую реконструкцию, то для даргинского это будет означать, что в одних диалектах (северных) клитика перестала быть самостоятельной словоформой и попала в конец фонетического слова еще до перехода **r > d-*, а в других — после. В результате в северных диалектах в составе клитики мы имеем начальный звук *r*, а в прочих — *d*. Рассмотренная выше ситуация в кубачинском/аштынском хорошо укладывается в рамки этого предположения: личная клитика здесь до сих пор присоединяет к себе отрицательный префикс, а значит, еще сравнительно недавно находилась в начале самостоятельной словоформы.

Во-вторых, можно высказать предположения по поводу возникновения в даргинском языке особого внимания ко второму лицу и, в частности, числовой оппозиции во втором лице.

Выделение второго лица связано либо с социальной ориентацией высказывания (вежливость, обращенная на собеседника), либо, что кажется нам более вероятным, с «перформативностью» высказываний, проще говоря, с влиянием императивов — побуждений, наиболее обычным адресатом которых является собеседник, а также близких к ним по иллокутивной силе оптативов.

Характерно, что хотя источник появления согласовательных клитик и суффиксов, употребляемых в формах оптатива (Таблицы 1 и 2), в даргинском языке неизвестен, эти два ряда показателей структурно параллельны. Более того, как уже упоминалось, в ряде видо-временных парадигм в даргинских диалектах встречается отдельный показатель *-a* для множественного числа второго лица (и, реже, *-i* для единственного), который сочетается с личными суффиксами «ирреального» набора. В результате мы имеем несколько рядов внешне параллельных форм второго лица, в которых формы единственного числа имеют огласовку *i*, а формы множественного числа — *a*:

Таблица 6.

Параллелизм форм второго лица в ицаринском диалекте

(<i>b=uc-</i> 'поймать')	2SG	2PL	ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИЦА
АОРИСТ	<i>bucib-di</i>	<i>bucib-da</i>	Личная клитика
ОПТАТИВ (СВ)	<i>bucab-i</i>	<i>bucab-a(-ja)</i>	Суффикс оптативного набора
ХАБИТУАЛИС (прош.вр.)	<i>burca-t-i</i>	<i>burca-t-a</i>	Суффикс ирреального набора

Элементы *i* и *a* во всех трех строчках имеют на синхронном уровне разную морфологическую природу: в формах аориста это не самостоятельные морфемы, а просто часть личной клитики; в оптативе — личные суффиксы; в хабитуалисе — показатели числа. Однако внеш-

няя аналогия несомненно присутствует. Не исключено, что один из этих рядов форм как-то влиял на другие или же все три ряда подвергались влиянию некоторого общего фактора.

Еще одна возможная параллель, хотя на этот раз не такая точная, — параллель личных показателей и форм императива. В даргинском имеется только императив второго лица с противопоставлением единственного и множественного числа адресата. В единственном числе показателей больше одного¹⁶, однако большинство непереходных глаголов имеют окончание *i* (или, в зависимости от диалекта, *e*), так что значительная часть форм императива внешне параллельна формам, приведенным выше:

Таблица 7.

Параллелизм форм императива и оптатива в ицаринском и тантынском диалекте

	Ицаринский (=ix- 'спать')		Тантынский (=urc- 'ловить')	
	2SG	2PL	2SG	2PL
ИМПЕРАТИВ	<i>w=iš:-i</i>	<i>d=iš:-aja</i>	<i>urc-e</i>	<i>urc-a(-ja)</i>
ОПТАТИВ	<i>w=ix:-ab-i</i>	<i>d=ix:-ab-aja</i>	<i>urc-ab-e</i>	<i>urc-ab-a(-ja)</i>

Во множественном числе императива присутствует суффикс *-ja*, который в большинстве случаев интерпретируется как показатель множественного числа второго лица. Этот показатель идентифицируется во многих диалектах, причем различается как его фонетический облик (*-ja*, иногда *-j*, иногда удлинение предшествующей гласной *a*), так и дистрибуция. Везде, насколько это известно, данный показатель используется в формах императива и оптатива (в последнем случае может оказаться факультативным), но в ряде диалектов имеет более широкую сочетаемость (например, в цудахарском, акушинском, урахинском и губденском он присутствует также в формах презенса).

Однако для наших исторических предположений, возможно, более значимы факты обнаруженные в диалекте с. Танты. Знакомый показатель *-ja* обнаруживается здесь в несколько иной функции и, вероятно, в более архаичном состоянии. Как и в других диалектах, *-ja* в тантынском появляется чаще всего в императивных, прохибитивных и оптативных высказываниях.

ТАНТЫНСКИЙ ДИАЛЕКТ (полевые данные)

- (16) *d=uč-iž*   *ka-d=ig-are,*   *niq-be*   *ic-a-ja*
 1/2PL-есть:PF-INF   PV-1/2PL-садиться:PF-прежде   рука-PL   мыть:IPF-IMP.PL-PL.ADR
 'Прежде чем сядете за стол, вымойте руки!'
- (17) *čet:i-ma-d=irk-u-t-a-ja!*
 PV-ПРОН-1/2PL-выиграть-ТН-2-ПРОН-PL.ADR
 'Не выигрывайте!'
- (18) *žux:a arale*   *d=at-ab-a-ja!*
 вы   здоровый   1/2PL-оставлять:PF-OPT-2PL-PL.ADR
 'Будьте здоровы!'

Однако легко заметить, что в рассматриваемом диалекте *-ja* является не суффиксом, а клитикой и маркирует не множественность форм второго лица, а множественность

¹⁶ Распределение показателей различается по диалектам.

адресата — независимо от того, является ли адресат одним из аргументов основного предиката данного высказывания:

- (19) *du učitel-da-ja*
я учитель-1-PL.ADR
'Я учитель' (при обращении к нескольким собеседникам).
- (20) *čaj čič d=ik:-ul-da-ja?*
чай кто:DAT 1/2PL-хотеть-PRES-2PL-PL.ADR
'Кто хочет чаю?' (при обращении к нескольким собеседникам)
- (21) *mašina či-la le=b-a? / le=b-a-ja?*
машина кто-GEN существовать-N-Q / существовать-N-Q-PL.ADR
'У кого есть машина?' (при обращении к одному собеседнику/к нескольким собеседникам)

Показатели, маркирующие грамматические признаки адресата речевого акта, представлены, в частности, в баскском языке¹⁷; в баскологии их принято называть аллокутивными (Адаскина 2008; Адаскина, Гусев 2008). На наш взгляд, клитика с подобными функциями является наиболее вероятным источником числового противопоставления во втором лице. Такая клитика практически обязательна в императивных и прохибитивных формах, а также весьма частотна в оптативах, — иначе говоря, в норме эта клитика встречается в формах, где предикат стоит во втором лице. На этой, сравнительно архаичной ступени развития, она находится в диалекте с. Танты. В процессе грамматикализации аллокутивная клитика превращается в показатель множественности второго лица. Именно в этой функции мы застаем ее в большинстве современных диалектов, где и сейчас сфера функционирования бывшей аллокутивной частицы ограничивается формами, присоединяющими личные окончания оптативного ряда. Однако в ряде диалектов можно наблюдать ее экспансию и присоединение к формам с другими типами личных показателей, в том числе клитик. Например, в литературном языке (базирующемся на акушинском диалекте) показатель *-ja* используется в парадигме будущего времени (смешанной, включающей клитики и суффиксы ирреального набора), и — факультативно — видимо, во всех видо-временных парадигмах, присоединяющих личные клитики (van den Berg 2001).

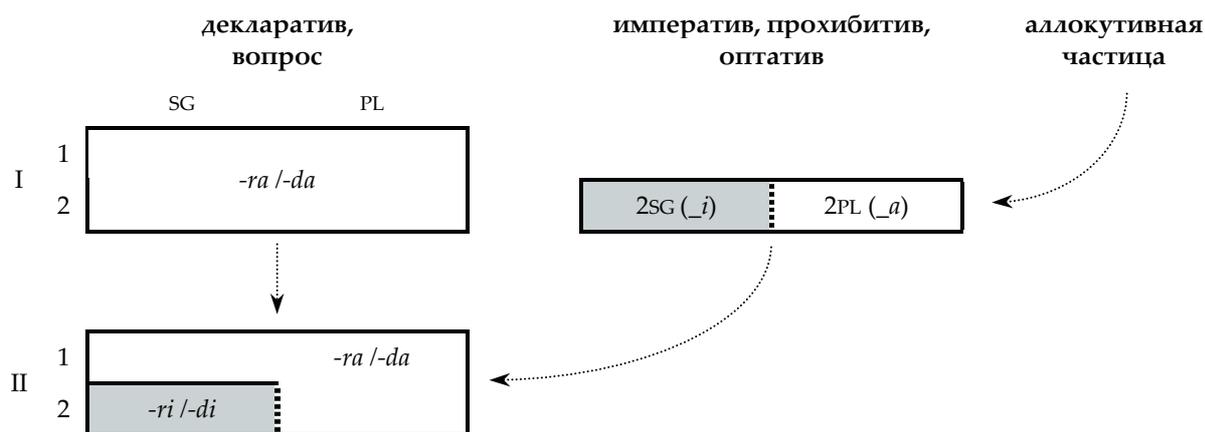
По-видимому, противопоставление по числу во втором лице возникло аналогичным образом¹⁸. Числовая оппозиция во втором лице возникла в результате грамматикализации аллокутивной клитики и распространилась на все формы с оптативными окончаниями, а затем и с клитиками, создав тем самым необычную и типологически редкую личную парадигму даргинского типа (Cysouw 2003: 129). Таблица, в которой в первом и втором лице присутствовал один и тот же показатель, превращается в таблицу с «вырезанной» клеткой для второго лица единственного числа, как показано в Таблице 9. Однако откуда взялись общие показатели первого/второго лица, нам по-прежнему неясно.

¹⁷ По данным Я. Г. Тестельца, аллокутивный показатель имеется также в аварском языке. Формы с этим показателем имеют оптативное значение и образуются от императива присоединением суффикса *-aja-*, за которым следует показатель классного согласования, причем выбор классного показателя зависит от класса адресата, ср.: *dur k'al buq'a-ja=w* 'Твой рот пусть зашьют!' (говорится мужчине, I кл.), *dur k'al buq'a-ja=j* (говорится женщине, II кл.) (Я. Г. Тестелец, личное сообщение; примеры также принадлежат Я. Г. Тестельцу).

¹⁸ Мы не утверждаем (хотя и допускаем), что в основе современной оппозиции типа *-ri ~ -ra* во втором лице лежит в точности та же единица, к которой восходит тантынский аллокутивный показатель. Мы предполагаем, что источником этой оппозиции мог быть показатель с аналогичной функцией.

Таблица 8.

Появление личной оппозиции в даргинском языке

Сокращения

1, 2, 3 — показатели лица; ABS — абсолютив; AOR — аорист; COP — связка; DAT — датив; DECL — декларатив; ERG — эргатив; F — женский согласовательный класс; INTERROG — интеррогатив; IPF — несовершенный вид; M — мужской согласовательный класс; N — неличный согласовательный класс; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; OPT — оптатив; PART — причастие; PAST — прошедшее время; PF — совершенный вид; PL — множественное число; PL.ADR — показатель множественности адресата; PRES — презенс; PRET — претерит; PRON — прохибитив; PV — преверб; Q — вопросительная частица; SG — единственное число; TH — тематический элемент; знаком ‘=’ отделяется показатель именного класса.

В примерах 1, 3, 4, и 5 сохраняются сокращения, использованные в работе (Кибрик 2003): NOM — номинатив (абсолютив); римскими цифрами обозначены номера именных классов.

Литература

- АБДУЛЛАЕВ С. Н. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала.
- АДАСКИНА Ю. В. 2008. Аллокутивные формы баскского глагола. *Вопросы языкознания*. 2008. №5. С. 84—103.
- АДАСКИНА Ю. В., ГУСЕВ В. Ю. 2008. Согласование глагола с неаргументом: аллокутив. В кн.: *Грамматические категории в дискурсе. [Исследования по теории грамматики. 4]*. Под ред В. Ю. Гусева, В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманчиевой. М.: Гнозис. С. 467—483.
- АРСАХАНОВ И. А. 1969. *Чеченская диалектология*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во.
- БАБАЕВ К. В. 2008. *Происхождение индоевропейских показателей лица*. М.—Калуга: «Эйдос».
- БУРЧУЛАДЗЕ Г. Т. 1979. Вопросы становления личного спряжения в лакском языке. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*. Т. VIII. С. 176—246.
- БЫХОВСКАЯ С. Л. 1940. Пережитки *inclusiv*-а и *exclusiv*-а в даргинских диалектах. В кн.: *Язык и мышление*. М.—Л.
- ЖИРКОВ Л. И. 1955. *Лакский язык. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во АН СССР.
- ИСАКОВ И. А. 1980. Элемент классно-личного спряжения в курсурском диалекте аварского языка. В кн.: *Глагол в языках Дагестана*. Махачкала: ДагНИИЯЛИ. С. 1—19.
- КАЗЕНИН К. И. 1997. *Синтаксические ограничения и пути их объяснения*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- КАЗЕНИН К. И. 1999. Личное согласование в лакском языке: маркированность и нейтрализация. В кн.: Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ, Е. В. РАХИЛИНА (ред.), *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. М. С. 383—399.
- КИБРИК А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Лакский язык. В кн.: КИБРИК А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя. С. 464—481 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1979).

- КИБРИК А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Даргинский язык (чирагский диалект). В кн.: КИБРИК А. Е. *Константы и переменные языка*. Спб: Алетейя. С. 482—504 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1979).
- КИБРИК А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Ахвахский язык. В кн.: КИБРИК А. Е. *Константы и переменные языка*. Спб: Алетейя. С. 669—678 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1980).
- КИБРИК А. Е., СЕЛЕЗНЕВ М. Г. 1982. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке. В кн.: *Табасаранские этюды* (под ред. А. Е. Кибрика). М.: МГУ, С. 17—33.
- КОЗИНСКИЙ И. Ш. 1980. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений. В кн.: И. Ф. ВАРДУЛЬ (ред.), *Теория и типология местоимений*. М.: Наука. С. 50 — 63.
- КОРЯКОВ Ю. Б. 2006. *Атлас кавказских языков*. М.: Пилигрим.
- МАГОМЕДБЕКОВА З. М. 1967. *Ахвахский язык: Грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1962. Личное спряжение в даргинском языке сравнительно со спряжением в табасаранском и лакском языках. *Иберийско-кавказское языкознание XIII*: 313—342.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1963. *Кубачинский язык*. Тбилиси: АН Грузинской ССР.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1976. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III*. С. 203—218.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1978. Вспомогательные глаголы *саби* «есть» и *леб* «имеется, находится» в даргинском языке. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания V*. С. 224—283.
- МАХМУДОВ А. Р. 1940. *Закатальский диалект аварского языка*. Дисс. ... канд. филол. наук.
- МУРКЕЛИНСКИЙ Г. Б. 1971. *Грамматика лакского языка*. Махачкала.
- САИДОВА П. А. 1980. К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка. В кн.: *Глагол в языках Дагестана*. Махачкала, ДагНИИЯЛИ. С. 4—11.
- САИДОВА П. А. 2007. *Закатальский диалект аварского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- СУМБАТОВА Н. Р. 2010. Лицо и личные иерархии в нахско-дагестанских языках. В кн.: *Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П. Недялкова*. М., Знак. С. 319—354.
- СУМБАТОВА Н. Р. 2008. Личное согласование и личные иерархии в нахско-дагестанских языках. КАЗАНСКИЙ Н. Н. (ред.) *Исследования по типологии и грамматике. Материалы Пятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (6—8 ноября 2008 г.)*. *Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. 4, Ч. 2. Спб.: Наука.
- УСЛАР П. К. 1892. *Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык*. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа.
- ХАЙДАКОВ С. М. 1985. *Даргинский и мегебский языки*. М.: Наука.
- VAN DEN BERG, Helma. 1999. Gender and person agreement in Aqusha Dargi. *Folia linguistica XXXIII/1*: 153—168.
- VAN DEN BERG, Helma. 2001. *Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar*. Leiden: CNWS.
- CREISSELS, Denis. 2008a. Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and emergence from an uncommon pattern. *Language typology and universals*. Vol. 61. No. 4. P. 309—325.
- CREISSELS, Denis. 2008b. Remarks on so-called “conjunct-disjunct” systems. *Paper presented at “Syntax of the World’s Languages”*, Berlin, 25—28 September 2008.
- CYSOUW, Michael. 2003. *The Paradigmatic Structure of Person Marking*. Oxford/N.Y.: Oxford University Press.
- GIVÓN, Talmy. 1976. Topic, pronoun, and grammatical agreement. In: Charles LI (ed), *Subject and Topic*. New York: Academic Press. 149—188.
- HALE, A. 1980. Person markers: finite conjunct and disjunct forms in Newari. In: TRAIL R. (ed.), *Papers in Southeast Asian Linguistics 7*. Canberra: Pacific Linguistics, 95—106.
- HARRIS, Alice. 2002. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- HELMBRECHT, Johannes. 1996. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung 49*: 127—148.
- HOLISKY, D. A. 1987. The case of the intransitive subject in Tsova-Tush (Batsbi). In: R. M. W. DIXON (ed.), *Studies in ergativity*. Amsterdam: North Holland, 103 — 132.

- HOLISKY, D. A., and Rusudan GAGUA. 1994. Tsova-Tush (Batsbi). In: Rieks SMEETS (ed.). *The Indigenous languages of the Caucasus, vol. 4: The North-East Caucasian languages, part 2*, pp. 147 – 212. Delmar/New York: Caravan Books.
- KOJIMA, Yasuhiro. 2008. Person agreement and cliticization of personal pronouns in Batsbi. Paper presented at: *Morphological Variation and Change in Languages of the Caucasus. Workshop at the 13th International Morphology Meeting, February 2008, Vienna, Austria* (<http://www.let.uu.nl/~nino.amiridze/personal/papers/MVCLC/Kojima.pdf>).
- LEHMANN, Christian. 1988. On the function of agreement. In: M. BARLOW and Ch. A. FERGUSON (eds.), *Agreement in Natural Languages. Approaches, Theories, Descriptions*. Stanford: CSLI. 55–65.
- LEHMANN, Christian. 1995. *Thoughts on Grammaticalization*. (Lincom Studies in Theoretical Linguistics, 1). Unterschleissheim: Lincom Europa.
- NIKOLAYEV, S. L. and STAROSTIN, S. A. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- SCHULZE, Wolfgang. 2007. *The Lak language*. Ms. (<http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/Lak.htm>).
- SCHULZE, Wolfgang. 2004. Review of Alice C. HARRIS. 'Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax'. *Studies in Language* 28: 419 – 441.
- SCHULZE, Wolfgang. 2001. *An Online Grammar of Udi* (http://wolfgangschulze.in-devir.com/index.php?option=com_content&task=view&id=21&Itemid=48).
- SCHULZE, Wolfgang. *Personalflexion in den Ostkaukasischen Sprachen*. 1998 (2007). Ms. (<http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/agroks.pdf>).
- SIEWIERSKA, Anna. 2004. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press.
- SILVERSTEIN, Michael. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In: R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra. P. 112–171.
- SUMBATOVA, N. R. In print. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems. To be published in: AUTHIER, Gilles & Timur MAISAK (eds.), *Tense, Aspect, Modality and Finiteness in Daghestanian*. Bochum: Brockmeyer, 2010. (Diversitas Linguarum)
- SUMBATOVA, N. R., and R. O. MUTALOV. 2003. *A Grammar of Icaric Dargwa*. (Languages of the Worlds/Materials 92.) München: LINCOM Europa.
- TROUBETZKOY, N. S. 1929. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiques-orientales). *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 29 fasc.3 (No.88): 153–171.

Lak and Dargwa, unlike most other languages of the Nakh-Daghestanian language family, are characterized by relatively complex systems of personal agreement with several heterogeneous sets of person markers. A part of these markers developed out of personal pronouns (Troubetzkoy 1929; Nikolayev and Starostin 1994), which are known as the most typical source of person agreement cross-linguistically. However, the origin of most person markers in Lak and Dargwa is still unknown.

This paper treats some grammatical properties of personal agreement in different dialects of Dargwa, including the morphology of person marking, the type of personal opposition observed in each dialect, the rules of agreement control and the type of personal hierarchy realized in each dialect. In Dargwa, two basic tendencies of person ranking are observed: some dialects (especially those located in the North of the Dargwa-speaking area) invariably place the first and second person on the same hierarchy level; other dialects (especially those located in the South and South-West) give preference to the second person.

The synchronic properties of personal agreement in Dargwa help to arrive at a suggestion concerning the origin of the highly untypical personal opposition observed in most TAM paradigms of Dargwa where the second person singular forms are opposed to the forms covering the first person (singular and plural) and the second person plural (2SG vs. 1SG & 1PL & 2PL). This hypothesis explains this paradigm structure as a result of the grammaticalization of an allocutive clitic marking the plural addressee.

Keywords: Nakh-Daghestanian (East-Caucasian) languages, Dargwa (Dargi), person agreement, agreement control, person hierarchy, allocutive marker.